

Инна ГОРОФЯНЮК

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ УКРАИНЦЕВ ПОДОЛЬЯ: АРХАИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА

<https://doi.org/10.52603/rec.2021.29.11>

Rezumat

Riturile familiale tradiționale ale ucrainenilor din Podillia: elemente arhaice ale textului cultural

Podillia este o regiune etnografică a Ucrainei, cunoscută pentru contactele interetnice active de mai multe secole, ce a contribuit la îmbogățirea sistematică a culturii spirituale și materiale a Podillia, pe de o parte; pe de altă parte, în diferite sfere ale culturii tradiționale a podolienilor, există o păstrare a multor elemente arhaice slave. Articolul prezintă elementele arhaice ale culturii populare a ucrainenilor din Podillia în riturile familiale tradiționale – de naștere, de nuntă și de înmormântare pe materialul componentei verbale a textului cultural. Baza empirică a studiului a fost înregistrările pe teren ale textelor dialectale, realizate de autor în 2006–2014 în peste de 100 de localități din regiunea Vinnița. Se atestă implementarea principalelor opoziții semantice ale vederii slav asupra lumii: „sus” – „jos”, „plin” – „gol”, „nostru” – „străin”. Motivele cultului strămoșilor și înșelăciunea morții, sincretismul ritualurilor agrare și familiale și gospodărești sunt elemente ale arhaicului păgân, care constituie o parte esențială a conștiinței populare și a credințelor podolienilor. Fragmentele individuale ale culturii populare a ucrainenilor din Podillia prezentate în articol prin prisma unei analize tipologice comparative cu implicarea datelor din alte tradiții slave semnaleză păstrarea fondului arhaic general al culturii spirituale a slavilor.

Cuvinte-cheie: slavi, cultură populară, rit de naștere, rit de nuntă, rit de înmormântare, text cultural, dialect de Podillia, Podillia.

Резюме

Традиционные семейные обряды украинцев

Подолья: архаичные элементы культурного текста

Подолье – этнографический регион Украины, который известен активными межэтническими контактами на протяжении многих веков, что, с одной стороны, способствовало систематическому обогащению подольской духовной и материальной культуры, а с другой – в разных сферах традиционной культуры подольян наблюдается сохранность множества славянских архаических элементов. В статье представлены архаические элементы народной культуры украинцев Подолья в традиционных семейных обрядах – родильном, свадебном и похоронном – на материале вербального компонента культурного текста. Эмпирической базой исследования послужили полевые записи диалектных текстов на этнографическую тематику, сделанные автором в 2006–2014 гг. в более чем 100 селах Винницкой области. В подольском родильном, свадебном и похоронном лингвокультурном тексте засвидетельствована реализация основных семантических оппозиций славянской картины мира: «верх» – «низ», «полный» – «пустой», «свой» – «чужой». Мотивы культа предков,

обмана смерти, синкретизм аграрной и семейно-бытовой обрядности являются элементами языческой архаики, которые составляют существенную часть народного сознания и верований подольян. Представленные в статье отдельные фрагменты народной культуры украинцев Подолья через призму сравнительно-типологического анализа с привлечением данных инославянских традиций сигнализируют о сохранении общего архаического фонда духовной культуры славян.

Ключевые слова: славяне, народная культура, родильный обряд, свадебный обряд, похоронный обряд, культурный текст, подольский говор, Подолье.

Summary

Traditional family rites of the Ukrainians of Podolia: archaic elements of a cultural text

Podolia is an ethnographic region of Ukraine, which is known for active interethnic contacts for many centuries, which, on the one hand, have systematically enriched the Podolsk spiritual and material culture, and on the other hand, in various spheres of the traditional culture of the Podolians, there is a preservation of many Slavic archaic elements. The article presents the archaic elements of the traditional culture of the Ukrainians of Podolia in traditional family rituals – birthlore, wedding and funeral on the material of the verbal component of the cultural text. Field records of dialectal texts, made by the author in 2006–2014 in more than 100 villages of Vinnitsa region served as empirical basis of the study. The family rites texts attest the realization of the main semantic oppositions of the Slavic picture of the world: "top" – "bottom", "full" – "empty", "own" – "alien". The motives of the cult of ancestors, deception of death, syncretism of agrarian and family rituals are elements of the archaic, which constitute an essential part of the folk consciousness and beliefs of the Podolians. Several fragments of the folk culture of the Ukrainians of Podolia presented in the article through the prism of the comparative typological analysis, with the involvement of data from other Slavic traditions, signal the preservation of the general archaic fund of the spiritual culture of the Slavs.

Key words: Slavs, folk culture, birthlore, wedding, funeral, cultural text, Podolsk dialect, Podolia.

В одной из наших статей (Горофянюк 2020) представлен анализ архаических черт отдельных фрагментов народной культуры украинцев Подолья, выявленных в народной метеорологии, календарной обрядности и аграрных традициях подольян на материале вербального компонента культурного текста. В настоящей статье мы преследуем цель выявить архаические элементы народной культу-

ры украинцев Подолья в традиционных семейных обрядах – родильном, свадебном и похоронном.

Эмпирической базой исследования послужили полевые записи диалектных текстов на этнографическую тематику, сделанные автором в 2006–2014 гг. в более чем 100 населенных пунктах Винницкой области, а также материалы диалектной фонотеки кафедры украинского языка Винницкого государственного педагогического университета имени Михаила Коцюбинского и (в меньшей степени) материалы краеведческих письменных источников конца XIX – начала XX в.

Родильная обрядность

Подольский лингвокультурный родильный текст аккумулировал в себе лексику, фразеологию и систему поверий, ритуалов и обрядов, которые связаны с рождением человека и обеспечением его счастливой судьбы.

В Подолье засвидетельствованы архаические элементы родильной обрядности, известные всем славянским традициям. Так, зафиксированные в селах Винницкой обл. запреты беременным во избежание навредить будущему ребенку соответствуют общеславянскому контексту (Седакова 2009: 445): *Обично не можна ї св'ято / ї нед'їл'у пр'їзати / н'ї шити / н'ї рубати / н'їчого такоого не можна робити // на неб'їжчика не можна дивитис'а / на поїсар не можна дивитис'а / як'шо бачиш / то не можна л'акатис'а і мацатис'а / бо п'л'ами будуть' як дитина / родиц'а / тре в'їд'їти і не можна дивитис'а на поїсар / бо це не добре // не можна бити ко'та / чи собаку / бо буде шерст' на дитин'ї рос'ти // (Дв. Ш.); Не переступати через в'їник; не надівати п'ї'орки (бусы – И. Г.) на шийу // (Тр.).* В с. Била Ямпольского р-на Винницкой обл. старшие информаторы вспоминают, что *ко'лис' там кидали хл'їб / шо там во'на попро'сила / таї хл'їбом кидали за цейу ж'їнкойу / шоп дитина хл'їб їла //*

В подольских говорах чаще всего употребляется славянская метафорическая лексика, воплощающая представление о беременной женщине через дериваты от корней со значением ‘бремя, тяжесть’: *бе'ремина, ва'г'їтна, важ'ка, т'аж'ка*. Вероятно, осознание этой мотивационной связи повлекло запрет беременной женщине ходить на свадьбы: *Ходила ва'г'їтна не дуже т'ажко / але мен'ї не можна було на в'їс'їл'а ходити / до короваїа шос' пома'гати / не можна було с'їдати перед молодими / шоб не було їм важко ї жит'ї // (Дв. Ш.).* Эти запреты функционируют в рамках архаической картины мира, неотъемлемой частью которой со времен первобытного общества была симпатическая магия.

Всем славянам известен запрет разглашать время родов. По сведениям И. А. Седаковой, в Болгарии роженица пряталась в том помещении, куда никто не заходит (Седакова 2007: 154). Предполагаем, что эта традиция вербализировалась и в подольском фразеологизме *впасті в куток ‘пойти родить’* (Матеріали... 2021: 73).

В повседневную практику общения с новорожденным также включены элементы акциональной магии, регламентации, основанные на архаических мифологических представлениях. В частности, к крестинам у всех славян приурочены магические действия, связанные с умением ребенка ходить: в России крестные родители, зайдя с младенцем в дом, не садятся, чтобы ребенок не вырос *сиднем*. В Сербии во время таинства крещения мать ходит по двору или возле церкви, не останавливаясь, чтобы ребенок хорошо ходил (цит. по: Седакова 2007: 299). В с. Вербка Чечельницкого р-на Винницкой обл. записан созвучный обычай движения как формы ритуального поведения: *Старша ку'ма заходе до хати / об'їгає три рази кругом столу // це кажут / треба три рази об'їгти кругом столу / шоб с'коро дитинка по'чала б'їгати //*

Рудименты контагиозной магии наблюдаем в запрете у подольян ребенку давать в пищу рыбу: *Рибки дитин'ї не можна давати / поки не го'воре / бо риба н'їма і не го'воре / то шоб дит'атков'ї не пош'кодило // (Зм.).* Неспособность рыб издавать звуки наполняется мифологически значимым содержанием и экстраполируется у белорусов, македонцев на возможную немоту ребенка (Гура 1997: 747). У болгар известен запрет беременной есть рыбу, чтобы ребенок не остался немым (Седакова 2007: 355).

Выкуп младенца на крестинах можно отнести к древним способам обмана смерти. В Подолье широко известен обряд «купли-продажи» ребенка крестными: *Їже їак мали їїхати ї церкву / то же ко'н'аками їїздили / то цего / то с'тавили / ст'єлили ку'жуха / чос' на зем'ї / не з'найу чо'го / с'тавили ц'у дитину на зем'ї / кидали бат'ко з маткойу / воопи'їм бат'ки кидали з'рош'ї / то д'ї б'рали ц'у дитину / матка б'рала з бат'ком / с'тарш'ї / замотували ї сво'їе к'рижмо і їїхали до церкви // (Оз.).* Известен подобный обычай и у хорватов, которые, впервые увидев новорожденного, клали ему в пеленки деньги, чтобы он был богат (Агапкина, Плотнокова 2004: 57).

Дохристианские верования четко прослеживаются в использовании железа как оберега ребенка: *Також к'лали ножа дитин'ї / н'їд по'душку / а ше тої х'то приїшоў і подивіє'а на дитину / маў пот'їм подивитис' на стел'у // (Крд.).* Парал-

тельно отметим реализацию одной из основных семантических оппозиций в славянской картине мира «верх» – «низ»: верх наделяется символическими признаками «хороший», «благополучный», «плодородный», «жизненный» (Толстой 1995а: 345).

Обряд крестин у подолян имеет региональную специфику. В частности, крестины в отдельных населенных пунктах празднуют 3 дня: *христини – похристини – третини: с'в'ат'куйут'* (крестины – И. Г.) *не о'дин ден' а три дн'і / кажут' першого дн'а йдемо на христини // (Ивш.); Це називається: а ўже похристини / і зноў гост'уй-уц'а / на третій ден' уже називається: а третини / при'ход'ат на третини / шоб не ў'крали гуси дитини / це так при'пов'ідали // (Ял.)*

Первый (*перв'істок, п'ерв'енц'*) и последний (*вишкре'бок, м'ізинец', м'ізинчик*) ребенок в семье наделялся сверхъестественными способностями: *перша і м'ізинец' бачат' даже дош'і по'к'ійник'іў // (Аг.); Ну ка'зали колис' шо ко'ли ў бат'к'іў родиц'а семеро д'ітеї / нап'риклад с'ім син'іў то с'омі син / ну обла'дає та'кими йа'кимис' ма'г'ічними силами / гет' ка'зали шо в'ін з хвос'том родиц'а / а йак'шо с'ома д'іўчинка то то'же ка'зали / шо вон'а в'ід'ма / шо то'же во'на ма'є там дар йа'кис' там та'кі шо це о // ну а перв'істок йак'шо іде с'ил'ній град то перв'істок маў розку'сити тої град / шоб в'ін спи'ниўс'а // перв'істка то'же ше ўли'вали во'дойу йак'шо доўго не'має дош'чу / то ўли'вали йо'го шоб ішоў дошч // (Врб.). Названия таких детей и их способности к магическим действиям являются общеславянскими (Кабакова 2009: 415-416).*

Рудименты языческого мировоззрения подолян прослеживаются в традиции обращаться за помощью к деревьям для избавления от бездетности: *от шоб на обо'рот бу'ли д'ітки / то д'іўчата хо'дили до д'ерева по ро'с'і і про'сили д'іток // (Кр.).* Роса – вода в этом контексте символизирует андрогенное начало жизни, воплощение мужской или женской плодотворной силы. Как отмечал С. В. Максимов, «языческие народы всех времен неизменно обоготворяли эту стихию как неиссякаемый источник жизни, как вечно живой родник, при помощи которого оплодотворяется другая великая стихия – земля» (Нечистая... 1903: 225). Известно, что болгары обращались с молитвами к зеленому дереву с просьбами об удачном замужестве (детальнее см.: Седакова 2007: 64).

С младенцем связано много поверий. Запрещалось, например, качать пустую колыбель, так как ребенок *не буде спати* (Гн., РЛ); турки верят, что от этого ребенок может умереть (Серебрякова 1979: 129). Очевидно, указанный запрет, как и

запрет хранить гроб пустым (*Ше у дідуня мого на горіщі була дубовина, труно. І в ній там ссипали пшеницю, шо-небудь, али коли вже покойник – тоді освободжали. (Чм.) (Етнографічний... 2020: 6)),* воплощает рекомендацию предотвращения контакта человека с пустыми знаковыми предметами во избежание несчастья.

Отметим, что большинство традиций, связанных с родильным обрядом, сохраняется и сегодня в подольских селах, тем самым демонстрируя высокую значимость превентивных обрядодействий, нацеленных на обеспечение здоровья и силы роженице и ее ребенку.

Свадебный обряд

М. Пилипак утверждает, что специфику свадебной обрядности исследуемого региона можно проследить в ряде архаичных обрядодействий и атрибутов, в том числе «выкуп косы; разложение огня при встрече невестки; встреча невестки свекровью в вывернутом кожухе; развешивание невесткой приданого у свекрови; дякування за молду» (Пилипак 2015: 114).

Многоаспектным по функциональности и содержанию на протяжении веков остается ритуальный хлеб – при сватанье, приглашении гостей, встрече и проводах молодых. Так, одним из многих зафиксированных в полевых исследованиях сигналов согласия девушки на брак было разламывание хлеба, который принесли сваты, что известно восточным, западным и южным славянам (Гура 2012: 339): *д'іўчина розломуйе хл'іб (Аг.).* Традицию именно ломать хлеб, а не резать информаторы мотивируют тем, что *п'ізати йо'го не можна / шоб жит'а не п'ізалос'а / а ло'мали кус'ками і розда'вали ўс'ім // (ШГ).* Отказ от разрезания хлеба ножом носит сакральный характер у славян и является обязательным элементом в ряде локальных традиций в похоронном и поминальном ритуалах (Страхов 1991: 44-46).

Когда молодой отправляется за невестой, то, сняв шапку и трижды перекрестившись на восток, получает от старосты калач, после чего толпа юношей набрасывается на этот калач и разносит его по кускам. Это обрядодействие называется *разобрат' честь (целомудрие) молодого* (Дучинский 1896: 510) как знак пресечения возможности возврата в свой прежний холостяцкий социум (Гура 2012: 339). Очевидно, продолжение этого действия можно наблюдать на *по'чесн'ій* (на юге Винницкой обл.) – обряд одаривания молодых гостями свадьбы, которые взамен получали кусочек каравая и стопку водки. Ареал этой обрядовой лексемы, по сообщению А. А. Романчука, распространяется и в некоторых украинских селах Молдовы (с. Булаешты). В с. Большая Кисница Ям-

польского р-на Винницкой обл. зафиксировано редуцированное название этого обряда *руку*: *А ран'ше ка'зали руку / це да'ють руку молодим: це р'іжуть ц'і жемни* (обрядовый хлеб – И. Г.) / *маст'ат медом і с'таўл'ат ниточку чер'вону і тре за то пла'тити* // Традиция угощать караваем, смазанным медом, известна в Юго-Восточной Болгарии (Узенева 2010: 90).

Хлеб на свадьбе – это еще и общая доля молодых. У поляков на свадьбе молодым связывали руки на хлебе, который затем делили пополам и давали по половине жениху и невесте (Гура 2012: 339). В отдельных районах Восточного Подолья руки молодых в знак согласия соединяли над миской с зерном (Украинцы 2000: 293), чаще старосты связывали руки девушки и юноши *на хлібові: П'іс'л'а с'ватан'а уж'е заручи'ни / до молод'ой приходили разом із молодим йо'го бат'ки та родич'і / ўс'і с'ідали до с'толу / а молодих виводили на посад* // *с'таршиі с'тароста накриваў рушник'ом хл'іб / клаў на н'ого руку д'іўчини / зверху руку х'лопц'а і не'ре'в'іазуваў ііх рушник'ом* // (Врб.).

Внутренности диких и домашних животных используются у славян в ритуалах и магических действиях, связанных с любовной магией и некоторыми семейными обрядами. Очевидно, отголосками архаичного мировоззрения наших предков является традиция угощения на свадьбе гостей печенью домашнего животного, зафиксированная в Подолье в конце XIX в. Так, перед этапом покрывания молодой свахи молодого просят *дати їм пічки*:

*Дайте намь пічки,
Най покримь дівку,
Най дівка не гуляє
Русовь косовь не мас.*

(Дучинський 1896: 512).

После покрывания молодой гости *вечеряют*. На первое им подают *пічку*. Если же кухарка опаздывает с ужином, то гости поют:

*Плакала кыщечка на кухні,
Аж її очічки запухлы:
Кухарка пічку з'їла,
На бідну кыщечку уповыла*

(Дучинський 1896: 514).

По сведениям А. В. Гуры, в Центральной и Южной России, Поволжье, Прикамье и Западной Сибири караваю соответствует пирог, начиненный чаще всего курятиной или другим мясом, а в Саратовской губ. – печенью домашних животных, чтобы способствовать удачной брачной ночи (Плотникова 2009а: 224). И хотя цель использования печени

как обрядовой пищи на свадьбе в этих случаях, очевидно, разная, но употребление именно печени наверняка можно связать с ритуальным поеданием сердца и печени как обрядом побратимства, а именно эту символику несет и свадебный каравай. Этимологию слова связывают с псл. **korva* 'корова', учитывая сходство формы изделия и коровы, а также функцию ритуального священного жертвенного хлеба, который заступил мясную жертву (однокоренное с лат. *caro* 'мясо', лит. *karvojus* 'свадебный пирог'. А потому и выстраивается ассоциативная цепочка: печень – пирог с печенью – каравай.

На разных этапах свадебного обряда засвидетельствовано использование *кожуха*:

- при расплетании косы молодой: *Ставили посеред хати с'т'ілець / кожух / на кожух с'ідаў молод'ий / а дружба тан'ц'у'ваў з молод'ой / молада упи'райец'а / не хоче с'ідати молод'ому на руки / в'ін ста'райец'а <...> посадит' на руки / то'д'і дружк'и виступа'ють / свати сп'іва'ють / молод'у розпл'іта'ють* // (Пн.);

- на свадебном застолье: *Там де во'ни* (молодые – И. Г.) *сид'ат / с'тел'ат кожух / шоб д'іти були бо'гат'і / шоб х'удоба велас'а / шоб д'ітки родилис'а* // (ШГ);

- при покрывании молодой: *Жи'н'іх тан'ц'уйе з н'ів'естойу / с'таўл'а с'туло / на с'тул'і ку'жух і г'райут вал'с'чи пол'ку // і жи'н'іх тан'ц'уйе з н'ів'естойу // в'ін ста'райец'а с'істи з н'ів'естойу / а н'ів'еста ста'райец'а не д'атис'а шоб с'істи // ко'роче шо в'ін с'іда'є / н'ідходи йо'го мама / н'ідноси хл'іб і с'іл'на рушник'ов'і <...> і заў'язуйе мама й'і'ї х'усточкойу* // (Зм.);

- при первой встрече невестки: *Тато ўд'агаўс'а кожух на'ввор'ит / тато вивер'таў кожух на'ввор'ит / а мама з хл'і'бами чи з од'ним хл'і'бом і рушник'ом з хл'і'бом і с'іл':у // ну бат'ки зустр'іч'али молод'их зустр'іч'али у ф'іртц'і* // (Зм.).

Как самостоятельный атрибут кожух используется в свадебной обрядности всеми восточными славянами в качестве продуцирующего символа (Валенцова, Виноградова 2004: 521).

Собственно свадебный цикл начинался *выкупом* молодой. Отметим, что в этом обряде часто используют воду: *По до'роз'і с'таўл'ат в'ід'ро з во'дойу <...> прода'ють молод'у // прода'ють д'іти в'ід'ро молод'ой / а выкуп'л'а'є с'таршиі дружба // така'ї выкуп'молодой // (Врн.); Ў'жин'і'ха т'ребували гро'ше'ї / перели'вали до'рогу йак в'ін за'ходиў на под'в'іра* // (Зм.). Использование воды в брачных ритуалах является отголоском древних представлений наших предков. Как свидетельствуют историки, в древнюю эпоху у славян брач-

ные ритуалы совершались у реки, которая была символической границей перехода молодых людей в другой статус (Виноградова 1981: 32). Примечательно, что мотив перехода реки активно реализуется в свадебных песнях, например:

*Думай, (имя невесты), думай
Чи переплиवेश Дунай.
Чи переплиवेश ріки
До (имя жениха) навіки* (Врб.).

Часть послесвадебных обрядов связана с почитанием родителей молодых (детальнее см.: Гороф'янюк 2017: 33-34). В отдельных селах исследуемого региона сохранилось архаичное обрядодействие забивания кола в порог, что символизировало прекращение детородной функции: *Цигани ход'ат' // по сел'і крадуть курей / запрошуйут' зноу на в'с'іл':а / робл'ат' другий проп'ій // йак'шо бат'ки в'ід:а'йут' остан'у дитину / то їх вбирайут' у в'інок / забивайут' у пор'іг к'ілок і 'воз'ат' бат'к'іу до 'р'ічки ку'патис'а //* (Пн.). А. В. Курочкин связывает причастность кола к магии эротики и плодородия, а забивание его в землю воспроизводит мифологему священного брака (Курочкин 2005: 63). Не случайно также упоминает информатор о венках для родителей молодых: так, в Красилове Хмельницкой обл. сохранился обряд женитьбы родителей молодых, который называют *об'жинками*, что переплетается с хлеборобскими мотивами сбора урожая: *Йаки'чо бат'ки дружили остан':у дитину у с'ім'ій / робили об'жинки // д'іти молод'і плели мам'і в'інок з бар'в'інку / жита / а бат'ков'і робили великий букет // н'ід'і'мали їх на ўра // коло стол'іу ходили сам'і д'іти //*. А. В. Гура локализирует эту традицию только в Украине, а точнее – в Житомирской обл. (Гура 2012: 289). Жителям Подолья известен также обряд *за'жинок* – так называемая женитьба родителей, которые женят или отдают замуж своего первого ребенка.

Погребальный обряд

В с. Вербка Чечельницкого р-на Винницкой обл. засвидетельствован неизвестный в других регионах способ облегчения предсмертных страданий человека, связанный с использованием ярма и других обрядодействий: *Йак'шо л'у'дина не' може ўмерти / то забирали ў нейі зп'ід голови по'душку і клали ку'файку // або каже шо може л'у'дина колис' у жит':і спалила йар'мо / це шо на вол'іу над'івали колис' // та і' може во'на того не' може ўмерти / то клали йар'мо н'ід'голову // каже шо йак'шо йар'мо спалити / то л'у'дина не' ўмре / а буде мучитис'а доўго ў муках //*. Отметим, что запрет сжигать ярмо зафиксирован и в украинском с. Булаешты Республики Молдова: *Йар'мо не'з'а па'лети' // так к'енути' / най-*

гне'йе / але не па'лети' // так ста'р'і ка'залие / а чо / не з'найу) (Романчук 2017: 185).

Примечательно, что предостережение «куряче пір'я не дає померти» является общеславянским (Бушкевич 2004: 64). Использование ярма в погребальном обряде, предполагаем, выступает рудиментом архаической традиции славян везти покойника на санях (даже летом), в которые запрягали исключительно волов в ярме (Толстой 1995б: 410).

Сегодня подольяне уже не упоминают о древней традиции проведения игр при покойнике. Краеведческие письменные источники начала XX в. свидетельствуют же об этой традиции и в Подолье: «Игры эти устраиваются около пожилого покойника, большею частью около д'вниц и парней. Въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, приходятъ его сосѣди и товарищи и начинаютъ гулять: пируютъ и поютъ пѣсни, сопровождаемыя особыми играми, которыя называются “лубок” или “маланка”» с приметкой «Въ Гайсинскомъ уѣздѣ (сегодня г. Гайсин – районный центр Винницкой обл. – И. Г.)» (Шероцкій 1908: 757). Сам автор указывает на языческие мотивы этой традиции, а потому христианские священники запрещали подобные обрядодействия.

В с. Малиновка Литинского р-на Винницкой обл. мы зафиксировали верование, созвучное с известным сербам, о том, что сорочку, в которой умер человек, нельзя было снимать обычным способом, а необходимо разорвать или разрезать (Толстая 2009: 113): *Йе так / шо го'дежу розд'а'гайут / чи там розр'ізайут // розр'ізали ц'у'годежу / забрали ти'хесен'ко й'йі / спалили / шоб н'і'где / об'шем / ни вал'алос'а / спалили //*

Обычай выносить гроб *но'гами ўне'ред обоў-аз'ково*, трижды стуча об домашний порог, известен в других украинских и восточнославянских культурных зонах, у многих славянских народов в целом. В с. Довжок Ямпольского р-на Винницкой обл. существует усложненный вариант этого обычая: *На по'р'іг кла'дуть покривало / од'і'йало / по'душку ну і ко'лачик / шо там йа з'найу чи бу'лочку чи ко'лачик чи шо кла'дуть // і майут'дати чи йа майу'дати ўнуков'і / чи майу'не'ре'дати братов'і / чи с'ватов'і там ко'му там наймену'вала // пок'і'ника ви'носят і три рази н'ід'нос'ат над'цейу по'душкой тут / на на ц'у'по'душку кла'дуть / а то'д'і ви'нос'ат // і цей ха'з'айін чи ха'з'айка да'йе кому там во'ни со'б'і наймену'вали //*. Предполагаем, что это обрядодействие является редуцией древнего обычая хоронить предков под порогом, а использование покрывала, подушки, хлеба здесь усиливает символику захоронения, передача хлеба младшим родственникам является

актом, нацеленным на продолжение жизни семьи.

Известны также локальные обряды, связанные с использованием ржи – *жита*: *Коли винос'ат / то за ним ж'інка жито по'вин:а не'ре'дати не'ре'пус'тити за по'к'їником у д'верах // (Дв. Я.); Йак з хати винос'ат / то на по'роз'ї три ра'зи с'тукайут' / а пот'ім ўже до во'р'їт поси'пайут' цу'керками і житом // (Кр.)*. Очевидно, в этом случае наблюдается факт народной этимологии: *жито* использовали на *життя*, чтобы *велось* и покойник не забрал с собой семейное благосостояние: во-первых, никакое другое зерно информаторы не вспоминали, во-вторых, сравним это обрядодействие с посыпкой рожью молодых на свадьбе.

Засвидетельствован также древний обычай класть рядом с умершим нож или серп с целью лишить покойного физической возможности ходить, предупредить его превращение в вампира (Толстая 2009: 114): *Плачут д'уже // а ў хат'ї ки'дайут н'їж / і закри'вайут д'вер'ї // (Зм.)*.

Возможно, бросание ржи и ножа на место, где лежал покойник, является средством контактной магии: незанятое место, где лежал покойник, ожидает нового покойника, поэтому это место пытались сразу обозначить символом жизни – рожью или предметом, который должен отпугивать смерть – нож. Подобные акты-обереги для вытеснения потенциальной опасности распространены у всех славян (Левкиевская 2002: 150-156).

Неизвестная в других регионах, богатая информационно и, очевидно, древняя погребальная традиция зафиксирована в с. Цикиловка Ямпольского р-на Винницкой обл.: *Йак ўми'райут / хорон'ат / то ўй'ажут кола'ч'ї / йак не'сут т'руно і да'руйут // во'ни робл'ат та'ке велике д'ерево / і на 'тому д'ерев'ї нач'їн'л'айут / ко'му пла'точок / ко'му по'лот'енце / ко'му там шо // і туд'ї це д'ерево не'сут / і кожна зна'є / шо й'її / чи по'лот'енце чи пла'точок // да і во'ни про'ход'ат / і ви н'їд'їш'ли / йа н'їд'їш'ла / та н'їд'їш'ла / та ўз'ала по'лот'енце / та ўз'ала пла'точок / а д'ерево не'сут / не'сут йо'го ўне'ред по'койн'їка // і то'д'ї л'уди пост'їн'ено їдут і берут / не'ма / зноў заўй'азали і зноў так //*. Дерево здесь выступает символом мотива пути в погребальном обряде, являясь посредником между двумя мирами. В. В. Иванов и В. Н. Топоров показали, что у славян четко выражены религиозно-мифологические представления о мировом дереве как дороге, соединяющей землю и небо, землю и подземное царство. Кроме того, исследователи рассматривают этимологическую связь слов *дорога* и *дерево*. Созвучны с этим и надгробные сооружения в форме деревьев, и традиция сажать на могиле дерево с целью облегчения переселения души (Велецкая 1978: 40). Заметим локальную

ограниченность этой традиции: информацию о похоронном деревце исключительно на похоронах молодежи имеем из Полесья, Карпат и у западных славян (Толстая 2004: 84), в Восточной Сербии во главе похоронной процессии несли плодородное дерево, которое затем сажали на могиле (Плотникова 2009б: 310).

Второй мотив этого обрядового текста – жертвы встречным: у славян издавна считалось, что нужно давать хлеб, полотенно и т. п. людям, которые встречаются похоронной процессии, *щоб пам'ятали* (Плотникова 2009б: 310). В селах Ямпольского р-на Винницкой обл. сохраняется традиция на похороны печь специальные *прох'їдн'ї кала'ч'ї*, их ломают на кусочки и несут в миске или на полотенце во время похоронной процессии, раздают чужим людям по дороге как откуп за душу покойного (Творун 2006: 64).

Не всех покойников хоронили на кладбище. Как правило, за его пределами хоронили некрещенных детей, мертворожденных и самоубийц: за пределами кладбища, *на ме'ж'ї м'їж дво'ма с'елами*. Славянская традиция хоронить мертвецов, лишенных христианских почестей, на границе между селами восходит к языческому обычаю хоронить умерших на границах родовых земель, что соответствует представлению об умерших как о предках-заступниках (Конобродська 2007: 209-210) и реализует семантическую оппозицию «свой» – «чужой».

Таким образом, в традиционном погребальном обряде Подолья сосуществуют и пережитки языческих верований, и элементы христианского погребального обряда.

Список условных обозначений исследованных населенных пунктов Винницкой области

- Аг. – с. Агрономичное, Винницкий р-н
- Бл. – с. Биля, Ямпольский р-н
- Врб. – с. Вербка, Чечельницкий р-н
- Врн. – пгт Вороновица, Винницкий р-н
- Гн. – с. Гонтовка, Черновицкий р-н
- Дв. Ш. – с. Довжок, Шаргородский р-н
- Дв. Я. – с. Довжок, Ямпольский р-н
- Зм. – с. Заможное, Барский р-н
- Ивш. – с. Ивашковцы, Шаргородский р-н
- Кр. – с. Кордышевка, Казатинский р-н
- Оз. – с. Озеро, Немировский р-н
- Пк. – с. Пиков, Калиновский р-н
- Пн. – с. Пеньковка, Шаргородский р-н
- РЛ – с. Рахны Лесовые, Шаргородский р-н
- См. – с. Семаки, Жмеринский р-н
- Тр. – с. Терешки, Барский р-н
- Чм. – с. Чемериское, Барский р-н
- ШГ – с. Широкая Гребля, Хмельницкий р-н
- Ял. – с. Яланец, Бершадский р-н

Литература / References

- Агапкина Т. А., Плотникова А. А. Деньги. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 2004, с. 56-60. / Agapkina T. A., Plotnikova A. A. Den'gi. V: Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 2. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, s. 56-60.
- Бушкевич С. П. Курица. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004, с. 60-68. / Bushkevich S. P. Kuritsa. V: Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 3. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, s. 60-68.
- Валенцова М. М., Виноградова Л. Н. Кожух. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 2004, с. 520-522. / Valencova M. M., Vinogradova L. N. Kozhuh. V: Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 2. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, s. 520-522.
- Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978, 239 с. / Veleckaja N. N. Jazycheskaja simbolika slavjanskikh arhaicheskikh ritualov. M.: Nauka, 1978, 239 s.
- Виноградова Л. Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели). В: Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст. М.: Наука, 1981, с. 13-43. / Vinogradova L. N. Devich'i gadaniya o zamuzhestve v cikle slavjanskoj kalendarskoj obrjadnosti (zapadno-vostochnoslavjanskije paralleli). V: Slavjanskij i balkanskij fol'klor: Obrjad. Tekst. M.: Nauka, 1981, s. 13-43.
- Гороф'янюк І. В. Акціональний і номінативний аспекти традиційного весільного обряду Центрального Поділля. В: Studia Slawistyczne. Etnolingwistyka i komunikacja międzykulturowa. T. 4. Lublin: KUL, 2017, с. 21-38. / Gorofyanyuk I. V. Akcional'nyj i nominatyvnyj aspekty tradycijnogo vesil'nogo obrjadu Central'nogo Podillja. V: Studia Slawistyczne. Etnolingwistyka i komunikacja międzykulturowa. T. 4. Lublin: KUL, 2017, s. 21-38.
- Гороф'янюк І. Архаїчні народні обряди і веровання українців Подолля як джерело реконструкції давньої культури славян. В: Revista de Etnologie și Culturologie, 2020. Vol. XXVIII, p. 48-56. V: Gorofyanyuk I. Arhaicheskie narodnye obrjady i verovanija ukraincev Podol'ja kak istochnik rekonstrukcii drevnej kul'tury slavjan. V: Revista de Etnologie și Culturologie, 2020. Vol. XXVIII, p. 48-56.
- Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с. / Gura A. V. Brak i svad'ba v slavjanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simbolika. M.: Indrik, 2012. 936 s.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 917 с. / Gura A. V. Simvolika zhivotnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii. M.: Indrik, 1997. 917 s.
- Дучинский Н. Свадебные обряды в Ольгопольском уезде Подольской губернии. В: Живая старина, 1896. Вып. 3, с. 501-522. / Duchinskij N. Svadebnye obrjady v Ol'gopol'skom uezde Podol'skoj gubernii. V: Zhivaja starina, 1896. Vyp. 3, s. 501-522.
- Етнографічний образ сучасної України. Корпус експедиційних фольклорно-етнографічних матеріалів. Т. 5. Поховально-поминальні звичаї та обряди. Гол. ред. Г. Скрипник; НАН України; ІМФЕ ім. М. Т. Рильського. Київ, 2020. 464 с. / Etnografichnyj obraz suchasnoi' Ukrai'ny. Korpus ekspedycijnyh fol'klorno-etnografichnyh materialiv. T. 5. Pohoval'nopomynal'ni zvychai' ta obrjady. Gol. red. G. Skrypnyk; NAN Ukrai'ny; IMFE im. M. T. Ryl's'kogo. Kyiv, 2020. 464 s.
- Кабакова Г. И. Ребенок первый, ребенок последний. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009, с. 415-416. / Kabakova G. I. Rebenok pervyj, rebenok poslednij. V: Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 4. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, s. 415-416.
- Конобродська В. Поліський поховальний і поминальний обряди. Т. 1. Етнолінгвістичні студії. Житомир: Полісся, 2007. 354 с. / Konobrods'ka V. Polis'kyj pohoval'nyj i pomynal'nyj obrjady. T. 1. Etnolingvistichni studii'. Zhytomyr: Polissja, 2007. 354 s.
- Курочкин О. Реликты ієрогамії у весільному ігровому фольклорі. В: VI Міжнар. конгрес українців. Кн. 1. Етнологія. Фольклористика. Культурологія. Донецьк-Київ: Вид-во Асоціації етнологів, 2005, с. 56-94. / Kurochkin O. Relikty ijerogamii' u vesil'nomu igrovomu fol'klori. V: VI Mizhnar. kongres ukrai'nistiv. Kn. 1. Etnologija. Fol'klorystyka. Kul'turologija. Donec'k-Kyiv: Vydvo Asociacii' etnologiv, 2005, s. 56-94.
- Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с. / Levkievskaja E. E. Slavjanskij obereg. Semantika i struktura. M.: Indrik, 2002. 336 s.
- Матеріали до словника подільського говору. Упор. І. В. Гороф'янюк. Вінниця: Твори, 2021.

461 с. / Materialy do slovnika podil's'kogo govoru. Upor. I. V. Gorofyanyuk. Vinnycja: Tvory, 2021. 461 s.

Нечистая, неведомая и крестная сила. Сочинение С. В. Максимова. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с. / Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila. Sochinenie S. V. Maksimova. SPb: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1903. 526 s.

Пилипак М. Українське весілля Східного Поділля середини ХХ – початку ХХІ століття. Київ: ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України; Уфа: Уфимська філія МДГУ ім. М. О. Шолохова, 2015. 210 с. / Pylypak M. Ukrai'ns'ke vesillja Shidnogo Podillja seredyny HH – pochatku HHI stolittja. Kyiv: IMFE im. M. T. Ryl's'koho NAN Ukrayiny; Ufa: Ufym's'ka filija MDHU im. M. O. Sholokhova, 2015. 210 s.

Плотникова А. А. Потроха. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009а, с. 222-225. / Plotnikova A. A. Potroha. V: Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 4. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009a, s. 222-225.

Плотникова А. А. Процессия погребальная. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009, с. 308-312. / Plotnikova A. A. Processija pogrebal'naja. V: Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 4. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009, s. 308-312.

Романчук А. Запрет на сжигание ярма и некоторые другие примечательные поверья погребально-поминального цикла в украинцев с. Булаешты Республики Молдова: этнолингвистический анализ. В: Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: Філологія (мовознавство): зб. наук. праць. Вінниця: Планер, 2017. Вип. 25, с. 184-195. / Romanchuk A. Zapret na szhiganie jarma i nekotorye drugie primechatel'nye pover'ja pogrebal'no-pominal'nogo cikla v ukraincev s. Bulaeshty Respubliki Moldova: jetnolingvisticheskij analiz. V: Naukovi zapiski Vinnic'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Mihajla Kocjubins'kogo. Serija: Filologija (movoznavstvo): zb. nauk. prac'. Vinnicja: Planer, 2017. Vip. 25, s. 184-195.

Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007. 432 с. / Sedakova I. A. Balkanskije motivy v jazyke i kul'ture bolgar. Rodinnyj tekst. M.: Indrik, 2007. 432 s.

Седакова О. А. Родимое пятно. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009, с. 445-446. / Sedakova

O. A. Rodimoe pjatno. V: Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 4. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009, s. 445-446.

Серебрякова М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне: новейшее время. М.: Наука, 1979. 168 с. / Serebrjakova M. N. Sem'ja i semejnaja obrjadnost' v tureckoj derevne: novejshee vremja. M.: Nauka, 1979. 168 s.

Страхов А. Б. Культ хлеба у восточных славян: опыт этнолингвистического исследования. München: Verlag Otto Sagner, 1991. 246 с. / Strahov A. B. Kul't hleba u vostochnyh slavjan: opyt jetnolingvisticheskogo issledovanija. Mjunhen: Verlag Otto Sagner, 1991. 246 s.

Творун С. Українські обрядові хліби: на матеріалі Поділля. Вінниця: Книга-Вега, 2006. 96 с. / Tvorun S. Ukrai'ns'ki obrjadovi hliby: na materiali Podillja. Vinnycja: Knyga-Vega, 2006. 96 s.

Толстая С. М. Деревце погребальное В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 2004, с. 84-85. / Tolstaja S. M. Derevce pogrebal'noe V: Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 2. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004, s. 84-85.

Толстая С. М. Покойник. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009, с. 112-118. / Tolstaja S. M. Pokojnik. V: Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 4. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009, s. 112-118.

Толстой Н. И. Верх – низ. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995а, с. 345-346. / Tolstoj N. I. Verh – niz. V: Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 1. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995a, s. 345-346.

Толстой Н. И. Вол. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995б, с. 409-411. / Tolstoj N. I. Vol. V: Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar' v 5-ti tt. Pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 1. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995b, s. 409-411.

Узенева Е. С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М.: Индрик, 2010. 280 с. / Uzeneva E. S. Bolgarskaja svad'ba: jetnolingvisticheskoe issledovanie. M.: Indrik, 2010.

280 s.

Украинцы. Отв. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарев. М.: Наука, 2000. 535 с. / Ukraincy. Otv. red. N. S. Polishhuk, A. P. Ponomarev. M.: Nauka, 2000. 535 s.

Шероцкій В. Народныя игры при покойникахъ (Этнографическій этюд). В: Православная Подолія, 1908, № 36, с. 757-761. / Sherockij V. Narodnyja igry pri pokojnikah (Jetnograficheskiy jetjud). V: Pravoslavnaja Podolija, 1908, № 36, s. 757-761.

Inna Gorofianiuc (Vinița, Ucraina). Doctor în filologie, conferențiar, Universitatea Pedagogică de Stat „M. Koțiubinsky” din Vinița.

Инна Горофянюк (Винница, Украина). Кандидат филологических наук, доцент, Винницкий государственный педагогический университет им. М. Коцюбинского.

Inna Gorofyanyuk (Vinnytsia, Ukraine). PhD in philology, Associate Professor, Vinnytsia M. Kotsiubynskyi State Pedagogical University.

E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9836-8270>